

Гамбит

ГЛАВА 1

В февральский понедельник, пришедшийся на день рождения Линкольна, в 11:27 я прошел из кабинета в смежную с ним гостиную и сказал:

— Мисс Блаунт здесь.

Вулф, не глядя на меня, с недовольным ворчанием вырвал из книги еще несколько страниц, швырнул в огонь и спросил:

— А кто такая эта мисс Блаунт?

Я поджал губы, но соизволил ответить:

— Она дочь Мэтью Блаунта, президента текстильной корпорации «Блаунт», которого посадили за решетку по обвинению в убийстве, и, как вам, должно быть, известно, ей назначена встреча на одиннадцать тридцать. И не нужно валять дурака, делая вид, будто вы забыли. Вы прекрасно знали, что не успеете закончить аутодафе за полчаса. И как насчет ваших собственных комментариев в адрес тех, кто сжигает книги?

— Этот исключение из правил. — Вулф выдрал еще несколько страниц. — Я простой человек, а не правительство и не цензурный комитет. Я заплатил сорок семь долларов пятьдесят центов за эту книгу и после тщательного изучения нашел ее в высшей степени пагубной и даже подрывающей устои, а потому уничтожаю ее. — Вулф швырнул страницы в огонь. —

Я сейчас не настроен выслушивать женщину. Пусть придет после ланча.

— А еще я слышал, что вы говорили о людях, отменяющих встречи, которые сами же и назначили.

Пауза. Очередные несколько страниц полетели в огонь.

— Ну ладно. Приведи ее сюда.

Вернувшись в кабинет, я закрыл за собой дверь, подошел к красному кожаному креслу возле письменного стола Вулфа, в которое усадил посетительницу, и повернулся к ней лицом. Она откинула голову и посмотрела прямо на меня. Она была этакой шоколадкой, брауни¹ — я не имею в виду девочку-скаута, — с маленьким носиком, маленькими ушками, большими карими глазами, копной каштановых волос и пухлым ртом, который смотрелся бы куда лучше, если бы его углы были чуть подняты, а не печально опущены.

— Пожалуй, мне стоит все вам объяснить. У мистера Вулфа сейчас происходит внутренняя борьба. Тяжелая внутренняя борьба. В гостиной есть камин, который мы никогда не зажигаем, поскольку Вулф считает, что пламя тормозит мыслительный процесс. Но сейчас камин растоплен, потому что Вулфу нужен огонь. И в данный момент Вулф сидит в кресле, слишком тесном для него, вырывает страницы из книги и сжигает их в камине. Книга — это полное третье издание Нового международного словаря Уэбстера, выпущенного компанией «Дж. и Ч. Мерриам» в Спрингфилде, штат Массачусетс. Вулф считает этот словарь подрывающим устои, поскольку он угрожает целостности английского языка. В течение прошлой недели Вулф привел мне тысячу примеров преступности это-

¹ Слово «брауни» (*англ.* brownie) означает и девочку-скаута, и шоколадное пирожное. — *Здесь и далее примеч. перев.*

го словаря. Утверждает, будто это неприкрытый акт убийства... Прошу меня извинить. Я так детально описываю ситуацию, поскольку Вулф велел мне привести вас в гостиную, что однозначно нехорошо. Ведь даже если он и услышит, что вы ему рассказываете, его мыслительный процесс будет заторможен. Не могли бы вы прийти чуть позже? После ланча Вулф будет намного человечнее.

Мисс Блаунт уставилась на меня во все глаза:

— Он что, сжигает словарь?

— Так точно. Но это еще пустяки. Однажды он сжег кулинарную книгу, так как там было сказано, что нужно снимать шкуру со свиного окорока, прежде чем тушить его с лимской фасолью. А вот что он любит больше: еду или слова — это еще вопрос.

— Но я не хочу приходить еще раз. — Мисс Блаунт решительно встала с места. — Я хочу видеть его прямо сейчас. Я должна видеть его прямо сейчас.

Проблема заключалась в следующем: если бы я уговорил мисс Блаунт отложить встречу, она могла больше не прийти. Когда она позвонила с просьбой ее принять, то имелась большая вероятность заполучить Мэтью Блаунта в клиенты, а это, судя по газетным статьям и ходившим по городу разговорам, даст хорошему детективу широкий фронт работы, за которую Мэтью Блаунт сможет заплатить даже по расценкам Ниро Вулфа. Поэтому я не хотел отпугнуть перспективную клиентку, и, кроме того, меня потрясло ее лицо: не только опущенные уголки рта, но и выражение глаз. У нее был тревожный взгляд, как и у всех, кто приходил к нам, и она явно находилась на грани отчаяния. И если я сейчас выставлю ее, она может отправиться прямиком в какое-нибудь убогое агентство, где, естественно, нет гениев вроде Вулфа и ищеек вроде меня.

— Ну ладно. Мое дело предупредить. — Я взял с письменного стола свой блокнот и открыл дверь в гостиную.

Мисс Блаунт вошла в открытую дверь, бросив манто из серебристой норки на спинку кресла.

Я поставил для нас рядом два стула, но, поскольку Вулф сидел возле камина, мне не удалось посадить мисс Блаунт лицом к Вулфу. Он редко встает, чтобы приветствовать посетителя, а тем более когда у него на коленях лежит увесистый словарь, впрочем уже уменьшившийся на одну треть. Швырнув очередную порцию страниц в камин, Вулф повернулся к посетительнице:

— Мисс Блаунт, вы используете слова «подразумевать» и «намекать» в качестве взаимозаменяемых?

Она отреагировала безупречно, просто сказав:

— Нет.

— А в этой книге говорится, что это вполне возможно. Пф! Я бы предпочел не прерывать это аутодафе. Итак, вы хотели со мной проконсультироваться?

— Да. О моем отце. Он в... арестован за убийство. Две недели назад умер один человек, был отравлен...

— Прошу меня извинить, но я читаю газеты. Почему вы обратились ко мне?

— Я знаю, что папа никого не убивал. И хочу это доказать.

— Естественно. Это ваш отец прислал вас?

— Нет.

— Тогда, значит, его адвокат мистер Калмус?

— Нет. Никто меня не присылал. Никто не знает, что я здесь. В этой сумке у меня двадцать две тысячи долларов. — Она похлопала по лежавшей у нее на коленях коричневой кожаной сумке с ручками. — Изначально у меня не было всей суммы, но я продала кое-какие вещи. Если понадобится, я смогу достать еще.

Папа с мамой не должны знать, что я к вам обратилась. Как и мистер Калмус.

— Тогда это невозможно. — Вырвав еще несколько страниц, Вулф бросил их в камин. — А почему они не должны ничего знать?

— Потому что они не позволили бы... Они остановили бы меня. И даже папа. — Она стиснула сумку. — Мистер Вулф, я пришла к вам, так как должна была это сделать. Мне нужно сообщить вам кое-какие сведения, которые я не решилась бы сказать никому другому. Это первое доброе дело в моей жизни. Беда в том, что я не делаю ничего плохого, но и ничего хорошего. Тогда какой в этом толк? И мне двадцать два года, поэтому я и принесла с собой двадцать две тысячи долларов. — Она в очередной раз похлопала по сумке. — Дэн Калмус уже много лет является адвокатом моего отца. Вероятно, мистер Калмус хорошо разбирается в вопросах бизнеса, но для такого сложного дела он явно не годится. Я абсолютно уверена. Ведь я знаю его всю жизнь. На прошлой неделе я предложила ему пригласить вас для расследования, а он в ответ лишь улыбнулся и заявил, что ему не нравится стиль вашей работы. По его словам, он знает, что делает, но это все не так. Мне страшно. Страшно до чертиков! — Она наклонилась вперед. — Мистер Вулф, моего отца осудят по обвинению в убийстве.

Недовольно заворчав, Вулф продолжил вырывать страницы.

— Если ваш отец захочет меня нанять, я мог бы пренебречь согласием его адвоката, хотя это и создаст определенные трудности.

Мисс Блаунт энергично покачала головой:

— Отец не станет вас нанимать, если Дэн Калмус скажет «нет». А мама не станет вас нанимать, если папа

скажет «нет». Итак, остаюсь только я. Ну а я могу вас нанять?

— Определенно нет. Без сотрудничества вашего отца и его адвоката я и пальцем не пошевелю. — Вулф с удвоенным рвением принялся рвать страницы.

Двадцать две штуки — сумма для нас отнюдь не рекордная, однако вполне достаточная, чтобы успешно начать новый 1962 год.

— Но ведь это глупо, — сказала мисс Блаунт. — Просто огонь тормозит ваш мыслительный процесс. Я предложила Дэну Калмусу нанять вас, а теперь и сама к вам пришла, поскольку, по-моему, вы можете делать то, на что не способен никто другой. Вас считают волшебником. Все так и говорят. Сам Дэн Калмус сказал, что вы волшебник. Однако он не хочет, чтобы вы брались за его дело. Он так и сказал: «За мое дело». Хотя это не его дело, а дело моего отца.

— Да, — согласился Вулф. — Это дело вашего отца, а не ваше. Вы должны...

— Теперь это мое дело! Первое доброе дело в моей жизни. — Нагнувшись, она вырвала из руки Вулфа раскуроченную книгу и вцепилась ему в запястье. — Разве волшебник может творить только самые простые чудеса? А что, если вы единственный человек на земле, способный спасти моего отца от обвинительного приговора за убийство, которого он не совершал? Если бы я могла совершить что-то такое, чего не может сделать ни один человек на земле, то непременно это сделала бы! И вам вовсе не нужен мой отец или его адвокат, ведь я могу не хуже их все рассказать. Я даже поведаю вам то, чего они ни за что не скажут. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать. Дэн Калмус никогда в этом не признается, а мой отец просто не в курсе, да и вообще он сейчас в тюрьме. Но я-то нет!

Мисс Блаунт выпустила руку Вулфа, и тот сразу бросил в огонь вырванные страницы. Он сердито хмурился, но не на словарь. Она взяла верную ноту, когда назвала его волшебником, подразумевая, а отнюдь не намекая, что Вулф — единственный в своем роде, и при этом заранее упомянула о содержимом своей сумки.

Вулф обратил на посетительницу хмурый взгляд:

— Вы утверждаете, что уверены в его невиновности. Это просто точка зрения, естественная для дочери, или у вас есть доказательства?

— У меня нет никаких доказательств. Все улики свидетельствуют против него. Но это не просто точка зрения. Я совершенно точно знаю. Я достаточно хорошо знаю своего отца, чтобы...

— Нет! — отрезал Вулф. — То, что очевидно для вас, не очевидно для меня. Вы хотите нанять меня и заплатить мне, действуя от лица человека, который находится в неведении, человека, которого, несмотря на свое состояние и положение в обществе, обвинили в убийстве и посадили за решетку. Доказательства должны быть очень убедительными. Ваш отец не может стать моим клиентом, а вот вы могли бы.

— Отлично, тогда я стану вашей клиенткой. — Мисс Блаунт открыла сумку.

— Я сказал «могли бы». Это, конечно, абсурдно, но весьма заманчиво. Я должен знать... Впрочем, для начала давайте посмотрим, что нам с мистером Гудвином уже известно. — Вулф повернулся ко мне. — Арчи, что нам известно?

— От и до? Или основные моменты?

— Все, что есть. А потом поглядим, сможет ли мисс Блаунт что-нибудь добавить?

— Хорошо. — Я сосредоточился на перспективной клиентке. — Все, что известно из газет и кое-каких

услышанных разговоров. Если я в чем-то ошибаюсь, сразу останавливайте меня, не дожидаясь, чтобы я закончил. Итак, «Гамбит» — это шахматный клуб, занимающий два этажа в старом кирпичном здании на Западной Двенадцатой улице. В клубе шестьдесят членов: бизнесменов и профессионалов, а еще парочка банкиров. Как принято в шахматных клубах, они там очень разборчивы. Во вторник вечером, тридцатого января, почти две недели назад, в клубе проходило мероприятие. Некто по имени Пол Джерин, двадцати шести лет от роду, не член клуба, проводил сеанс одновременной игры вслепую с двенадцатью членами клуба. А теперь насчет Пола Джерина. Я буду излагать информацию, не отфильтровывая сведения из газет от слухов. Он весьма эксцентричная личность. Имеет три источника дохода: от написания стихов и шуток для поздравительных открыток, от показа магических номеров на вечеринках и от игры в кости. Он также был равнодушен к шахматам, но играл в основном ради развлечения, не участвуя в турнирах. Вы его знали. Вы с ним познакомились. И как давно это было?

— Около года назад. Мы познакомились на вечеринке, где он показывал фокусы.

— И он обхаживал вас, или вы обхаживали его. Я слышал оба варианта. Вы, естественно, понимаете, что подобные вещи порождают самые разные толки. Узнав, что он играет в шахматы, вы организовали ему шахматную партию у вас дома с вашим отцом. А потом он стал приходить снова и снова. Ну и как часто? Я слышал разные версии.

— С папой он играл в шахматы лишь три раза. Три вечера. Пол сказал, что ему было неинтересно, как-то уж слишком просто. В последний раз он, пожертвовав ладьей, обыграл папу. Но это было много месяцев назад.

— Но он не только играл в шахматы, но и неоднократно встречался с вами. Согласно существующей версии вы собирались за Джерина замуж, но ваш отец...

— Неправда. У меня и в мыслях не было выходить за него замуж. И мы не так уж и часто виделись. В полиции меня об этом уже спрашивали. И я точно знаю. За последние три месяца мы виделись с ним ровно пять раз. На вечеринках, где мы в основном танцевали. Он был хорошим танцором. Но ни одна девушка в здравом уме никогда бы не вышла за него замуж.

— Ну ладно, довольно о слухах. Но вы уговорили вашего отца устроить тот турнир в клубе «Гамбит».

Нам пришлось несколько повисить голос, поскольку Вулф продолжал с шумом выдирать страницы.

— Об этом меня тоже спрашивали. А дело было вот как. Идею подал мне Пол. Сказал, что было бы забавно утереть им всем нос. И я рассказала об этом папе. Но ни на чем не настаивала. Папа ответил, что если Пол будет играть вслепую, то два-три члена клуба, пожалуй, смогут его обставить. И организовал турнир.

— Хорошо. Ваш отец организовал турнир. Конечно, это очень важно. А ваш отец знал, что Пол всегда пил горячий шоколад во время игры в шахматы?

— Да. Пол постоянно пил горячий шоколад.

— Тогда рассмотрим поподробнее турнир тридцатого января. Это был мужской междусобойчик. Присутствовали только мужчины.

— Да.

— Об этом писали в газетах. Я обычно читаю репортажи об убийствах, но особо внимательно лишь тогда, когда мы участвуем в расследовании, а значит, могу в чем-то и ошибиться. В таком случае прошу меня остановить. Присутствовали лишь члены клуба, примерно сорок человек, а также Пол Джерин, официант по имени Бернанд Нэш и повар Тони Лаги. В большой

комнате на первом этаже вдоль стен установили двенадцать столов, по шесть в каждом ряду. За каждым столом сидел член клуба, спиной к стене. Участники турнира. Таким образом, в центре комнаты оставалось достаточно места для остальных членов клуба, чтобы свободно перемещаться и следить за игрой. Так?

— Да.

— Но четверо членов клуба не просто следили за игрой, а передавали информацию в качестве посредников. Пол Джерин находился в комнате поменьше в задней части здания, в которой, если верить «Таймс», находится лучшая в стране библиотека шахматной литературы. Он сидел на диване и, когда игра началась, остался в комнате один. Столы были пронумерованы, один посредник обслуживал три стола. Сразу после начала игры посредник отправлялся к Джерину и общал ему номер стола...

— Нет. Не сразу после начала игры. Человек, который играет вслепую, ходит белыми на всех досках, а значит, делает первый ход.

— Должно быть, так было нужно. В любом случае, как только игрок за одним из столов делал ход, посредник, обслуживающий этот стол, отправлялся к Джерину и объявлял ему номер стола и сделанный ход. Джерин называл свой ход, после чего посредник передавал информацию игроку за столом. Верно?

— Да.

— Ну ладно, но только я этому не верю. В свое время я баловался шахматами достаточно для того, чтобы понять основные принципы. И я не верю, что кто-то способен держать в голове одновременно двенадцать партий, не глядя на доску. Я слышал, что некоторым удавалось играть даже на двадцати досках, но я этому не верю.

— Сто шестьдесят девять миллионов пятьсот семнадцать тысяч восемьсот двадцать девять и двадцать одна десятая. Число возможных вариантов первых десяти ходов, черными и белыми. Человек, способный разыгрывать вслепую одновременно двенадцать партий, должен быть настоящим уникамом. Практически чудом природы, — пробурчал Вулф.

— Неужели это так существенно? — спросил я.

— Нет.

Я снова повернулся к Салли Блаунт. По телефону она сказала мне, что ее имя Сара, но она предпочитает, чтобы ее называли Салли.

— Итак, игра должна была начаться в половине девятого вечера, но началась без двадцати девять, на десять минут позже. С этой минуты Джерин оставался в библиотеке один, не считая того времени, когда туда входил посредник. Полагаю, я могу их назвать. Чарльз У. Йеркс, банкир. Дэниел Калмус, адвокат. Эрнст Хаусман, отошедший от дел состоятельный маклер, один из основателей клуба. Мортон Фэрроу, племянник вашей матери миссис Мэтью Блаунт. — Я закрыл глаза и, сделав паузу, сказал: — Тут я, пожалуй, сдаюсь. В какой-то из газет точно говорилось, чем зарабатывает себе на жизнь ваш кузен Мортон, но мне никак не вспомнить.

— Он в бизнесе моего папы. — Она удивленно подняла брови, отчего глаза стали еще больше. — У вас, должно быть, превосходная память, даже когда вы не слишком внимательны.

— У меня такая отличная память, что я наверняка тоже уникам, но мы храним газеты за последние две недели, и, должен признаться, после вашего звонка я их все просмотрел. Впрочем, начиная с этого места, вы можете рассказать мне то, чего не было в газетах.

Полиция и окружной прокурор всегда оставляют при себе кое-какие детали. Мне известно из газет, что ваш отец играл за столом номер шесть. Что официант и повар — Бернارد Нэш и Тони Лаги — находились на кухне в цокольном этаже здания, на этаж ниже. Что вскоре после начала игры Полу Джерину принесли в библиотеку кофейник с горячим шоколадом. Пол выпил немного, уж не знаю сколько, а через полчаса сказал одному из посредников, Йерксу, что неважно себя чувствует. Примерно в половине десятого он заявил другому посреднику, Калмусу, что не может продолжать игру. После чего Калмус привел врача, одного из игроков — я не в курсе, за каким столом он сидел, — по имени Виктор Эйвери. Доктор Эйвери задал Джерину пару вопросов и отправил кого-то в аптеку на Шестой авеню. К тому времени как принесли лекарство, Джерину совсем поплохело, и врач дал ему лекарство. Еще через полчаса Джерину стало еще хуже, и пришлось вызвать «скорую». Без четверти одиннадцать его доставили в сопровождении доктора Эйвери в больницу Святого Винсента, и в три часа двадцать минут Джерин скончался. Уже позже судмедэксперт обнаружил в его организме мышьяк. В «Таймс» не указывалось, сколько именно, но в «Газетт» писали, что семь гран. Замечания имеются?

— Нет. Я ничего не знаю.

— В газетах не писали, содержался ли мышьяк в шоколаде. Это так?

— Я не знаю.

— Там также не упомянули имя человека, принесшего шоколад из кухни в библиотеку. Вам известно, кто это был?

— Да. Мой отец.

Я вытаращился на мисс Блаунт. Рука Вулфа с вырванными страницами застыла в воздухе.

— Но ваш отец сидел за столом номер шесть. Участвовал в турнире. Разве нет?

— Да. Но когда папа сделал второй ход, его посредник, мистер Хаусман, куда-то запропастился, и папа встал из-за стола проверить, принесли ли Полу шоколад. Стол номер шесть находился в конце комнаты, рядом с библиотекой. Шоколад так и не принесли, и тогда папа спустился за ним на кухню.

— И он что, собственноручно отнес шоколад Джерину?

— Да.

Вулф покосился на мисс Блаунт. Я перевел дух и спросил:

— Я вам, конечно, верю, но откуда вы знаете?

— Папа мне сам рассказал. На следующий день. Его арестовали лишь в субботу, — впрочем, это вам, само собой, известно. Именно потому я и знаю, что он этого не делал. Он рассказал нам обо всем так, словно ни секунды не сомневался, что мы поверим в его невиновность. — Она бросила взгляд в сторону Вулфа. — Вы, естественно, скажете, что для вас это звучит не слишком убедительно, но лично для меня достаточно убедительно. Я точно знаю.

— Хорошо, — сказал я. — Он отнес шоколад. И поставил на стол возле дивана, на котором сидел Джерин. Так?

— Да. Поднос с кофейником, чашкой, блюдцем и салфеткой.

— Вы говорите, ваш отец все подробно вам рассказал. А Джерин что-нибудь ел или пил, кроме шоколада?

— Нет. Там вообще больше ничего не было.

— За те полчаса, прошедшие с того момента, как ваш отец отнес Джерину шоколад, и до той минуты, как Джерин сказал Йерксу, что ему нехорошо, кто-нибудь входил в библиотеку, кроме посредников?

— Нет. По крайней мере, по мнению папы, хотя он и не был абсолютно уверен. — Мисс Блаунт улыбнулась Вулфу. — Я могу у него узнать. Вы говорили, что и пальцем не шевельнете, если он не будет сотрудничать, но я могу с ним увидеться и узнать все, что вас интересует. Естественно, не ставя его в известность, для кого эта информация.

Оставив последнее без комментариев, Вулф продолжил вырывать страницы.

Я пристально посмотрел на посетительницу:

— Вы утверждаете, что не знаете, был ли в шоколаде мышьяк. Скажите, а ваш отец упоминал, оставался ли в кофейнике шоколад и сохранили ли его до приезда полиции?

— Да, сохранили. Однако кофейник был полным.

— Полным? А разве Джерин не пил из него?

— Да. И довольно много. Когда мистер Йеркс сообщил папе, что Пол жалуется на плохое самочувствие, папа отправился в библиотеку. В кофейнике практически ничего не оставалось, а чашка была наполовину пустой. Папа отнес кофейник с чашкой на кухню и там сполоснул. По словам повара и официанта, они ничего не добавляли в напиток — только молоко, порошковый шоколад и сахар. Они налили в кофейник свежеприготовленный шоколад, и папа вместе с чистой чашкой отнес все в библиотеку. Очевидно, Пол больше ничего не пил, потому что кофейник остался полным.

Онемев от удивления, я уставился на мисс Блаунт. А Вулф не просто смотрел, а буквально ел посетительницу глазами:

— Мисс Блаунт, или ваш отец форменный болван, или он действительно невиновен!

— Я знаю, — кивнула она. — Я ведь уже обещала рассказать вам то, чего никому другому не стала бы

говорить. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать, а теперь вот и это. Я не в курсе, сообщил ли папа о данном факте полиции. Вероятно, повар и официант сообщили, хотя, возможно, и нет. Но я должна была вам рассказать. Должна была рассказать все, что мне известно, чтобы вы могли принять решение. Разве нет?

— Да. И я одобряю ваше поведение. Люди редко рассказывают все, что знают. А повар и официант наверняка выложили полиции абсолютно все как на духу. А иначе вашего отца не обвинили бы в убийстве. — Вулф закрыл глаза и попытался откинуться на спинку кресла. Напрасный труд. У Вулфа это получалось на автомате лишь в сделанном на заказ персональном кресле, когда нужно было закрыть глаза и хорошенько подумать. Похоже, не судьба. Вулф даже крикнул от досады, но быстро выпрямился и поинтересовался у мисс Блаунт: — У вас в этой сумке деньги, да?

Посетительница открыла сумку и достала толстую пачку банкнот, перетянутую резинкой:

— Двадцать две тысячи долларов.

Она протянула пачку Вулфу, однако тот не стал брать деньги.

— Вы говорили, что продали какие-то вещи? Какие именно? Они ваши?

— Да. У меня кое-что было на банковском счете, и я продала драгоценности.

— Ваши собственные драгоценности?

— Ну да. Конечно. Разве я могла продать чужие?

— Тогда договорились. Арчи, пересчитай деньги.

Я протянул руку, мисс Блаунт отдала мне пачку. Я снял резинку и начал пересчитывать банкноты, а Вулф продолжал швырять в камин то, что осталось от словаря. И пока я пересчитывал пятисотдолларовые банкноты, а потом и сотенные, Вулф все швырял